

Новому поколению, выбирающему между «Пепси» и «Экорамбурсом», КУКРЫНИКСЫ почти неизвестны — ушло их время. Уходят и они. Первым не стало КРЫ, два года назад ушел из жизни КУ... Николай Александрович СОКОЛОВ — последний из КУКРЫНИКСОВ

НИКС

Они познакомились в Москве в начале 20-х под крышей Вхутемаса* и больше уже не разлучались в течение многих десятилетий. Три молодых художника, Миша, Порфирий и Николай, решили работать втроем под общим псевдонимом, объединившим их собственные имена. Две буквы дал КУприянов, три — КРЫлов, четыре — НИК. Соколов — получилось КУКРЫНИКС, или КУКРЫНИКСЫ.

Начинали с карикатур во вхутемасовскую стенгазету. Потом были шаржи в литературных журналах на кумиров своего времени — Маяковского, Мейерхольда, Горького, Станиславского, Луначарского, всех не перечислять. Втроем иллюстрировали повести Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького, Ильфа и Петрова.

Добрых полсотни лет эта тройца была прописана на вершине советской карикатуры. Лишь единицы могли потягаться с Кукрыниксами в мастерстве сатирической графики. Аббревиатура «КУКРЫНИКСЫ» стала как бы синонимом слова «карикатуристы».

Впрочем, новому поколению, выбирающему между «Пепси» и «Экорамбурсом», Кукрыниксы почти неизвестны — ушло их время. Уходят и они. Первым не стало КРЫ, два года назад ушел из жизни КУ...

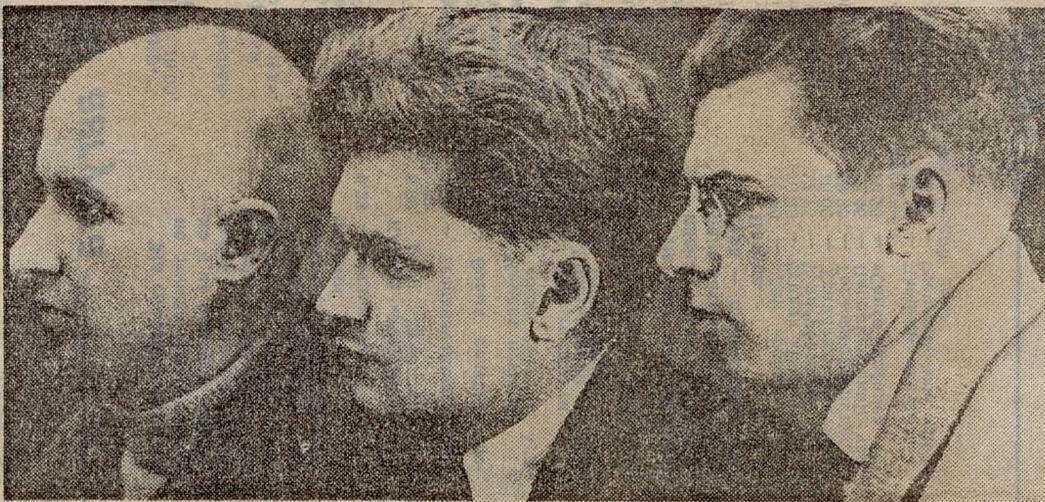
Николай СОКОЛОВ — последний из Кукрыниксов.

— Николай Александрович, Кукрыниксы прожили долгую и интересную жизнь, о вас и вами написано немало книг, но все они вышли в советские годы. В силу понятных причин многое, мне кажется, не вошло в эти книги. В частности, непонятно социальное происхождение Кукрыниксов. Наверное, это неспроста?

— У нас были очень разные семьи. Крылов — сын тульского рабочего. Он и сам некоторое время работал на оружейном заводе. Куприянов родился в Тетюшах под Казанью в семье государственного чиновника по землеустройству, по-моему. А у меня в роду никто не был художником — вся родня купеческая. Так что положение с происхождением у меня было, конечно, для того времени не лучшее. Писать в анкетах «сын купца» — это тогда... извините. Я уже с 13 лет был на службе и поэтом писал «слушающий». И Ку, и Кры, и я — мы все ведь были беспартийные...

— Ка-а-ак? Кукрыниксы не были коммунистами?

— Мы считали, что необязательно иметь партийный билет для того, чтобы быть карикатуристами. А нагрузки какие-то партийные, конечно, отвлекали бы от работы. Толь-

Кукрыниксы в начале тридцатых.
Слева направо: Порфирий Крылов, Николай Соколов, Михаил Куприянов.

ку Куприянов у нас одно время был в комсомоле, а Крылов и я даже комсомольцами не были. И стипендию не получали.

— То есть некомсомольцы не получали стипендий?

— Ни стипендий, ни бесплатных обедов. В основном к таким обедам были «прикреплены» партийные и комсомольцы. А у нас среди студентов были члены партии, были и пожилые уже люди, прошедшие гражданскую...

Давно все это было... Я ведь прожил много лет. Мне вот вот девяносто будет**... (Смеется). Я же видел еще Николая II, царицу и наследника.

— ???

— Это было в 14-м году, когда началась война с Вильгельмом. Я был одиннадцати лет. Мой знакомый приказчик, Василием его звали, говорит как-то: «Слушай, пойдем со мной на Красную площадь. Может, царя увидим — он должен из Петербурга приехать».

Пришли мы к Иверской часовне — была такая, а там уже народ стоит, шеренги городских. Через некоторое время слышим топот копыт. Появилась открытая коляска. Сидят кучер, казак, а сзади — небольшого роста офицер. Без фуражки, в погонах полевых — никому не кланяется. Рядом — царица, в белой шляпе с перьями, — всем кланяется. А перед ними, напротив, — наследник. Почти мой ровесник, на год моложе.

Царь меня разочаровал. На портретах он был высокого роста, красивый — в золотых эполетах, голубая лента через

плечо, ордена, сапоги шикарные. А тут — какой-то обыкновенный офицер...

— Может, и Ленина живо-го помните?

— Нет, хотя Владимир Ильич за год до моего подступления приезжал к нам в общежитие Вхутемаса. Он хотел повидаться с дочкой Инессы Арманд, Верой, которая училась у нас.

Тогда все увлекались левым искусством. Наш бог был Маяковский. У Ленина спросили его мнение о Владимире Владимировиче. Тот ответил, мол, оригинальный поэт, да, но мне больше нравится Пушкин. А с нами учился такой Порфирий Лямин, вот он Ленину на прощание сказал: «Владимир Ильич, а все-таки сядете вы в калошу со своим Пушкиным. Вот увидите». А Ленин ему: «Посмотрим, посмотрим».

— Коли уж вы вспомнили о Маяковском. Кто предложил Кукрыниксам поработать над декорациями его «Клопа» в театре Мейерхольда?

— Сам Маяковский. Мы сидели обедали в Доме Герцена, а он подошел с бутылочкой вина и говорит: «Вы мне нужны. Я написал новую комедию — пойдет у Мейерхольда. Хочу, чтобы вы оформили сцену». Мы испугались даже, ведь никогда в театре не работали. А он: «Мне такие и нужны». Он ведь всегда и во всем был такой неожиданный.

— Скажите, а как вы отреагировали на арест Мейерхольда?

— Мы не верили, думали — ошибка. Вы знаете, мы ведь тоже проходили по делу Мейерхольда. Только до нас очередь не дошла, началась война. Только в 50-е годы мы узнали, что Мейерхольд был

расстрелян. Вот мы с Куприяновым ходили к военному прокурору в 50-е годы, а Крылов не ходил. А я вам скажу, почему, если хотите. Его еще до войны вызвали на Лубянку, хотели, чтобы доносил на художников, на меня с Куприяновым в том числе. Он отказывался «Я вроде как на себя самого буду доносить. Это мои друзья. Как я могу?». Отпускная Крылова, его предупредили, что будут следить за ним.

Вернулся он затемно, стучит мне в дверь (а мы много лет жили в одной квартире). Открываю, а он бросается ко мне на грудь, обнимает, плачет и говорит: «Какой ужас. Какой ужас». После этого как поменили человека. Он девять месяцев не мог работать — у него началась мания преследования. Девять месяцев никуда не выходил. Даже во двор. Брал у меня полевой бинокль, смотрел в окно и говорил: «Вон тот в сером опять ходит туда-сюда...»

Вы знаете, ведь карикатуристы тоже сидели в лагерях. Вот Константин Ротов — был такой (мы считали — гениальный) художник, столько лет отсидел ни за что. В 43-м году я ездил в Соликамск за нашими эвакуированными картинами и мне удалось добиться свидания с ним. Это было очень сложно тогда, но нас к тому времени уже хо-

рошо знали по антифашистским карикатурам в «Правде» и «Крокодиле», по плакатам, было известно, что мы свою первую сталинскую премию отдали на строительство танка... Двадцать минут мы тогда разговаривали с Ротовым. Он очень мучился мыслью, что близкие в Москве его считают в чем-то виноватым.

— Николай Александрович, наверное, неожиданный вопрос: вам не приходилось рисовать карикатуры или шаржи на советских политических деятелей? Ваш шарж на Луначарского я видел, но имеются в виду первые лица.

— Нет, мы ведь рисовали шаржи на деятелей культуры — литераторов, художников, режиссеров. А шаржи, например, на Ленина делал Моор, был такой, Дени делал. «Дружеские шаржи» назывались. А тот рисунок, о котором вы вспомнили, показали Луначарскому.

— И как он?

— Сказал, что «сходство есть», и все.

— Для меня — непостижимая загадка: как могут работать вместе три разных по характеру человека на протяжении почти семи десятков лет? Был ли среди вас лидер, скреплявший вашу тройцу, или она держалась на чем-то другом?

— Как-то раз на одной встрече с колхозниками нас спросили из зала: «Вроде у вас тоже свой маленький колхоз. А кто же у вас председатель?» Куприянов ответил, что мы все председатели. А так оно и есть. Мы все равны. Если бы был глава, то мы бы, наверное, развалились. Лидерство было только в идеях. Кому-то первому в голову приходила та или иная мысль. Сегодня — может быть, КУ, а завтра — КРЫ или мне. Кукрыниксы для нас как живой человек. Благодаря ему каждый из нас многое в искусстве познал. Мы отдали этому художнику многое, но многое и получили. Это было счастье для каждого из троих, что был такой художник — Кукрыниксы. Мы ему обязаны все три.

— ...Как и он обязан вам фактом своего рождения...

— Конечно. Ему и лет втрое было больше всегда, и жизнь втрое длиннее. Шутки шутками, а всерьез мы очень берегли его всегда, боялись погубить.

Рамиль ФАРЗУТДИНОВ.

Сергей Рубин
«Комсомолец»!

Н. Соколов - Кукрыниксы

1993 г.

* Вхутемас — Высшие художественно-технические мастерские.

** Две недели назад Н. А. Соколову исполнилось 90 лет. Редакция «Комсомолец» поздравляет аксакала советской карикатуры с юбилеем!

Кукрыниксы

7.08.93